

ИССЛЕДОВАНИЯ

Раффаэлла Вассена

ОТ ВЗРОСЛОГО РАССКАЗА К ДЕТСКОЙ СКАЗКЕ: НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ»

В статье рассматриваются некоторые методологические, текстуальные и критико-педагогические вопросы, связанные с преобразованием рассказа для взрослых в сказку для детей. Рассказ Достоевского «Мальчик у Христа на елке» представляет собой особенно значимый пример, позволяющий проследить, с одной стороны, отношение русской педагогической критики к фантастическому элементу в последней четверти XIX в., а с другой — изменение социальных обстоятельств, повлиявших на вхождение произведения в детский литературный канон. Впервые опубликованный в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., в следующем году рассказ был включен В. П. Авенариусом в сборник «Тридцать лучших новых сказок», а в 1882 г. — в сборник «Образцовые русские сказки». В 1880-х и 1890-х гг. рассказ появлялся в разных детских изданиях, вызывая неоднозначную реакцию в педагогической критике и в институтах, ответственных за регламентацию детского чтения. В статье вводятся в научный оборот многочисленные печатные и архивные материалы.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, В. П. Авенариус, детская литература, адаптация, русская педагогическая критика, рекомендательная библиография, контроль чтения, Министерство народного просвещения Российской империи.

Раффаэлла Вассена

Миланский государственный университет

Милан

raffaella.vassena@unimi.it

Во второй половине XIX в. нехватка детских книг в России заставила педагогов и критиков искать новые источники детской литературы. С конца 1860-х гг. начали появляться работы, в которых анализировались образцовые произведения для детского чтения, а с 1870-х гг. в специализированных журналах и сборниках публиковались «взрослые» сочинения, адаптированные для детской аудитории [Лучкина 2015]. В основе этого явления лежали как критико-педагогические, так и коммерческие причины: адаптации для детей литературных произведений позволяли не только восполнить серьезный пробел в образовании подрастающего поколения, но и дать импульс детскому сектору русской книготорговли.

Включению определенной книги в круг детского чтения способствовали различные институты. Специальные правительственные комиссии готовили подборки текстов, одобренных для школьной программы, библиотек учебных заведений и для публичных чтений. Свою лепту вносили и критики, выступавшие в специализированных журналах, отдельные лица (общественные деятели, писатели, журналисты, библиографы, издатели и т. д.) и частные просветительские общества [Лучкина 2012]. Именно неоднородность этих институтов вела к некой релятивности самого понятия «детская литература», которое приобретало различные очертания в зависимости от критического направления, методологии и целей тех, кто принимал участие в дискуссии. Такая «вариативность» детской литературы проявляется, например, в противоположных оценках одних и тех же произведений, в переиздании книг, официально запрещенных цензурой для детского чтения, вплоть до случаев включения в библиографические пособия авторов, изначально признанных непригодными для детского чтения. Такие же разногласия обнаруживаются и в дискуссии, последовавшей за попыткой вывести произведения Достоевского на издательский рынок детской литературы в 1880-е и 1890-е гг. История изданий произведений Достоевского — свидетельство постепенного «переосмысления» или, скорее, «переговоров» о смысле творчества Достоевского между читающей публикой, с одной стороны, и различными институтами рекомендательной библиографии для детей — с другой¹.

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы филологического и критико-педагогического характера, связанные с адаптациями рассказа Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (1876) для детей. На особое восприятие этого рассказа уже указывали в 1980-е гг. советские исследователи [Достоевский 1972–1990, XXII, 324–325; Волгин 1980, 194–195], однако до настоящего

времени эта тема не исчерпала себя. Первоначально задуманный для взрослой аудитории, после первой публикации этот рассказ Достоевского выходил в адаптированной «сказочной» форме в многочисленных изданиях для детей, вызывая неоднозначную реакцию педагогической критики и цензуры. Анализ истории изданий этого рассказа может внести определенный вклад в научную дискуссию не только об эволюции отношения русской педагогической критики к фантастическому на рубеже XIX и XX вв., но и об изменчивости социальных сил, влиявших на включение произведений для взрослых в чтение детей.

*I. Соприкосновение реального и фантастического в рассказе
«Мальчик у Христа на елке»*

Рассказ «Мальчик у Христа на елке» был впервые опубликован в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Как писал Достоевский в объявлении, опубликованном в декабре 1875 г., он собирался издавать «дневник в буквальном смысле слова, отчет о действительно выжитых в каждый месяц, впечатлениях, о виденном, слышанном и прочитанном» [Достоевский 1972–1990, XXII, 136]. Как пишет американский исследователь Г. С. Морсон, в «Дневнике писателя» «я» публициста и «я» романиста чередуются, чтобы добиться одинакового воздействия на читателя, умеющего читать не только вертикально, но и горизонтально [Morson 1993, 14]. По сути дела, художественные и публицистические части «Дневника писателя» служат одинаковым целям: Достоевский предлагает читателю ознакомиться не только с конечным результатом, но и самим процессом творческого созидания, поводом к которому становились реальные события, составлявшие для него главный источник вдохновения. Рассказ «Мальчик у Христа на елке» представляет собой весьма показательный пример подобного упражнения «поперечного чтения», к которому автор «Дневника писателя» каждый месяц приглашал своих подписчиков.

Январский выпуск за 1876 г. почти полностью посвящен детям — теме, которая была в центре внимания и в романе «Подрусток», незадолго до этого вышедшем в «Отечественных записках». Этот роман дает повод автору упомянуть о проекте будущего романа, посвященного вопросу «отцов и детей», и изложить некоторые соображения о «случайности» современных семей. Размышления Достоевского продолжают в третьем и четвертом разделах первой главы, где он делится с читателем впечатлениями от посещения

в декабре 1875 г. ежегодного Рождественского бала для детей в Клубе художников в Петербурге. Беззаботные и празднично одетые дети в Клубе противостоят образу «мальчика с ручкой», которым открывается вторая глава январского выпуска: маленький нищий «никак не более как лет семи», одетый «почти по-летнему», которого Достоевский всегда встречал на углу дома во время рождественских каникул. Автор «Дневника писателя» представляет себе будущее этого мальчика, которому, возможно, суждено стать преступником и оказаться в колонии несовершеннолетних, подобных той, что описана в третьем разделе второй главы. Именно эти «видения» «падших ангелов» заставляют Достоевского-публициста уступить место Достоевскому-романисту: «Но я романист, и, кажется, одну „историю“ сам сочинил. Почему я пишу: „кажется“, ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне Рождества, в *каком-то* огромном городе и в ужасный мороз» [Достоевский 1972–1990, XXII, 14]. Как отмечал Г. М. Фридлендер, эти слова, как слова о «снящихся» и «мерещащихся» детях в фрагменте «Мальчик с ручкой», «подготавливают перевод темы о ‘русских теперешних детях’ из реального, бытового в обобщенный условно-фантастический план ‘святочного’ рассказа» [Фридлендер 1964, 295]. Сублимируя противоречия повседневной жизни в художественном творчестве, романист предлагает способ их решения: в его видении Христос принимает всех детей, которые не смогли насладиться рождественской елкой.

Известно, что, сочиняя рассказ «Мальчик у Христа на елке», Достоевский черпал вдохновение как из личного опыта, так и из ряда литературных источников: среди них — баллада немецкого поэта Фридриха Рюккерта «Des Fremden Kindes Heiliger Christ» (1841) [Фридлендер 1964, 300]. В тематическом аспекте баллада Рюккерта почти идеально соответствует «Мальчику у Христа на елке»: бедный и замерзший ребенок сталкивается с безразличием прохожих и находит утешение только в появлении Христа, который здесь принимает вид такого же ребенка, одетого в белую рубашку. Этот ребенок-Христос приглашает маленького нищего присоединиться к его празднику у рождественской елки, проходящему на звездном небе, где, наконец, маленький ребенок обретает радость в компании ангелов. Что же касается стиля и композиции, Фридлендер убедительно указал на различия между аллегорическим и условным тоном баллады Рюккерта, который не дает подробной характеристики маленького главного героя и места действия, и глубоко

реалистичным по своей природе рассказом Достоевского, проникнутым явным «петербургским колоритом»:

Этот колорит создается благодаря участию в рассказе таких типичных для жизни русской городской бедноты 70-х годов фигур, как «хозяйка углов», «халатник», «блюститель порядка», «барыня», «дворники», благодаря упоминанию уже в самом начале рассказа страшного и в то же время привычного для петербургской бедноты слова «полиция», благодаря описанию предметов одежды мальчика и окружающей его обстановки... [Фридлендер 1964, 304–305].

Достоевский придает рождественскому сюжету Рюккерта не только реалистический колорит, но и психологическую глубину, полнотью отсутствующую в произведении немецкого поэта. Читая рассказ Достоевского, мы попадаем в мир маленького героя, переживаем его страхи, смотрим его изумленными глазами на новую, неизвестную для него действительность: кондитерская — это «комната», продавцы — «четыре богатые барыни», а заказчики — «господа». «Реализм в высшем смысле» Достоевского достигает апогея именно во встрече мальчика с Христом. Эта встреча преподносится не как объективный факт, как это было у Рюккерта, а передается через сознание маленького героя как видение, возникающее в том полусне, который предшествует смерти. Однако онирическое измерение не лишает рассказ реалистического характера. В отличие от того, что происходит на небесах Рюккерта, у Достоевского на небесах человеческая боль и земные страдания не забываются: «грешные» матери плачут, глядя на своих мертвых младенцев, а младенцы осушают их слезы, утешая их своей радостью. Значение этой сцены можно осмыслить только в свете представления Достоевского о «фантастическом» как о поэтическом выражении общей концепции произведения, о художественной форме, имеющей определенные правила, первое из которых: «Фантастическое должно до того соприкоснуться с реальным, что вы должны почти поверить ему» [Достоевский 1972–1990, XXX/1, 191]² (см. также [Захаров 2008]). Итак, фантастический финал рассказа «Мальчик у Христа на елке» создает второй план повествования, который не противопоставляется первому, «бытовому», а завершает его и концентрирует в себе его глубочайший смысл: только поверив, что встреча с Христом действительно *произошла*, читатель сможет осознать значение рассказа и его функцию в январском выпуске «Дневника писателя». На самом деле соприкосновение реального с фантастическим заметно с первых же страниц рассказа, где разные элементы от-

сылают к существующему где-то «иному» миру. Как отмечает Т. А. Касаткина, образ замерзшего и дрожащего ребенка, который лежит рядом с матерью в подвале, восходит к традиционному в православной иконографии изображению Рождества Христова [Касаткина 2019, 27]. С другой стороны, ни явление Христа в конце, ни Его рождественский праздник не пересекают границу «чудесного», сохраняя правдоподобие благодаря столь «земным» чертам изображаемых небес. Таким образом, через «притчу» о замерзшем мальчике автор «Дневника писателя» приглашает читателя задуматься о контрасте между детьми в Клубе художников и всеми «мальчиками с ручкой», предлагая фантастическое и парадоксальное, но (в рамках христианского реализма «в высшем смысле» [Захаров 2001]) вполне вероятное решение: единственное спасение — вмешательство Христа в судьбы человечества, ведь только Спаситель может устроить рождественский праздник для всех детей этой земли. И, что немаловажно, этот вывод не навязывается читателю. Достоевский оставляет ему выбор верить или не верить, и вновь играет с границами фантастического в финале рассказа: «И зачем же я сочинил такую историю? <...> ...а там об елке у Христа — уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться или нет? На то я и романист, чтоб выдумывать» [Достоевский 1972–1990, XXII, 17].

Тонкость и поэтичность рассказа «Мальчик у Христа на елке» сразу очаровали многих читателей, особенно тех, кто был наиболее чувствителен к теме несчастного детства. Были те, кто считал, что резкий контраст между миром богатых и миром бедных, умиленно-сентиментальный тон повествования и трогательный финал могут вовлечь также ребенка-читателя, дать ему лучше осознать социальное неравенство и необходимость помощи ближнему. Среди поклонников рассказа Достоевского была педагог из Харькова Х. Д. Алчевская, которая в письме писателю от 10 марта 1876 г. высказалась о рассказе как о «шедевре» [Достоевский в неизданной переписке 1973, 448] и спустя несколько лет настоятельно рекомендовала его для детского чтения. В 1878 г. детская писательница А. Н. Пешкова-Толиверова также проявила особый интерес к этому рассказу и обратилась к Достоевскому с просьбой разрешить его публикацию в одном сборнике для детей. Достоевский отказал в разрешении, объяснив, что сам готовится в скором времени издать свои «маленькие рассказы» [Достоевский 1972–1990, XXX/1, 7–8]³. Ряд источников свидетельствует о «мечте» Достоевского издать детский сборник своих произведений, в который, по мнению

А. Г. Достоевской, должен был входить и «Мальчик у Христа на елке» [Достоевская 1993, 279], [Достоевский 1972–1990, XXX/1, 169]. Тем более интересным становится вопрос, знал ли Достоевский о том, что в 1877 г. адаптированная версия его рассказа под названием «У Христа на елке» уже вошла в сборник для детей под редакцией В. П. Авенариуса (1839–1923) «Тридцать лучших новых сказок»⁴.

II. Адаптации В. П. Авенариуса

Сборник «Тридцать лучших новых сказок» (1877) состоит из трех разделов: «Простонародные сказки», «Из русских авторов», «Из иностранных авторов». Второй раздел включает «сказку» «по Ф. Достоевскому» «У Христа на елке», следующую за «Посмертными записками пуделя» (по А. Милюкову); «Кузнечиком-музыкантом» (по Я. Полонскому); «Преданием о городе Китиже» (по Андрею Печерскому)⁵. Как видно, ни одно из выбранных Авенариусом произведений изначально не было рассчитано на детскую аудиторию и не вписывалось в жанр сказки. Тем не менее в предисловии Авенариус оправдывал появление сборника недостатком сказочных книг, изданных специально для детей. Намереваясь восполнить этот пробел, Авенариус выбрал «лучшие детские сказки» в соответствии с определенными критериями:

Под *лучшими* детскими сказками мы разумеем такие, которые, во 1-х, в полном смысле *детские*, т. е. соответствуют мирозерцанию ребенка; во 2-х, *умны*, т. е. отличаются развитием какой-нибудь определенной идеи, вообще логическим ходом действий или особенным остроумием и юмором; в 3-х, вполне *нравственны*, причем, однако, не навязывают слишком явно заключительного нравоучения; в 4-х, *не страшны*, т. е. не избивают детской фантазии кровавыми сценами, образами мертвецов, злых духов и т. п. (курсив автора — *P. B.*) [Тридцать лучших 1877, I–II].

В нашем распоряжении нет источников, указывающих на то, что Авенариус обращался к Достоевскому (или к его жене) за разрешением напечатать адаптацию рассказа в своем сборнике. Вообще имя Авенариуса не упоминается ни в одном материале о Достоевском, за исключением каталога его библиотеки: у Достоевского имелись книги Авенариуса «Книга о Киевских богатырях» (1876) и «Что комната говорит» (1880) [Библиотека Достоевского 2005, 23, 252]. Тем не менее на основе педагогических концепций того времени

и с учетом изменений, которые Авенариус внес в исходный текст, можно выдвинуть некоторые предположения.

Выбирая рассказ «Мальчик у Христа на елке», Авенариус определенно знал, что публикует одно из самых популярных сочинений среди русских читателей. С момента выхода в свет «Дневник писателя» пользовался необычайным успехом, о чем свидетельствуют сотни писем читателей со всей России, полученных Достоевским за двухлетний период 1876–1877 гг. (см. [Волгин 1982], [Vassena 2007]). Также более чем вероятно, что Авенариус, воспитанный в интеллигентной семье немецкого происхождения, знал балладу Рюккерта, очень популярную в Германии, и также был знаком с жанром «рождественского» или «святочного» рассказа, европейскими образцами которого были в основном произведения Ч. Диккенса и Х. К. Андерсена (см. [Душечкина 1995]). Превыше всего ставивший познавательную функцию детской литературы, Авенариус, вероятно, интересовался социальной темой, лежащей в основе произведений как Рюккерта, так и Достоевского, тем более что у последнего мотив отвергнутого всеми ребенка приобретал специфически национальные черты. Это не означает, что Авенариус разделял обличительный тон рассказа Достоевского, на который будет обращать особое внимание часть педагогической критики 1880-х гг. Как государственный служащий и консерватор, Авенариус, скорее всего, намеревался подчеркнуть нравственное значение эпизода с маленьким сиротой: юные русские читатели могли бы идентифицировать себя с детьми, которые не приняли мальчика, и тем самым вынуждены были бы получить болезненный, но поучительный опыт самоанализа.

Однако, как объяснил сам Авенариус в предисловии, тексты, включенные в сборник, изначально были предназначены для взрослой аудитории. Поэтому «он принужден был большую часть из них подвергнуть некоторым сокращениям или изменениям», при этом стараясь «сохранить оригинал в возможной неприкосновенности» [Тридцать лучших 1877, III]. Первым изменением, которое Авенариус внес в текст Достоевского, было полное переписывание начала рассказа в ключе дидактической преамбулы, частично взятой из фрагмента «Мальчик с ручкой»⁶. Как уже упоминалось, в «Дневнике писателя» начало рассказа имеет функцию размывания границы между реализмом публициста и фантазией романиста: с помощью таких выражений, как «мне мерещится» и «кажется», а также с помощью элементов, характерных для языка сказки [Пропп 2000, 199] — например, неопределенность времени и места

действия («где-то и когда-то», «в *каком-то* огромном городе») — готовится переход от бытового уровня к художественному уровню, где единственным объединяющим элементом является авторская личность. Можно сказать, что Авенариус не только исключил из текста личность «романиста Достоевского», но и раскрыл его «профессиональные уловки»: если в «Дневнике писателя» связь между главным героем рассказа и «мальчиком с ручкой», как и с другими детьми, описанными в публицистических частях январского выпуска за 1876 г., была подчеркнута композиционно, здесь это было сделано явно. Изымая рассказ Достоевского из его первоначального контекста, Авенариус стремился стимулировать не ассоциативно-образное, а последовательно-логическое мышление, которое позволило бы ребенку как можно проще и яснее извлечь урок из прочитанного.

Как видно из таблицы (см. примечание выше), есть еще несколько фрагментов, в которых текст в обработке Авенариуса отличается от оригинала. Убраны фразы об аресте хозяйки подвала, где проживает мальчик с матерью; о халатнике, «лежащем мертво пьяным», «не дождавшись и праздника»; о «блюстителе порядка», отвернувшемся, «чтоб не заметить мальчика». Более того, ужасные причины гибели детей, собравшихся вокруг рождественской елки Христа, перечисляются в общих чертах, в то время как прилагательное «грешные», относящееся к матерям, на которых милосердно взирает Христос, заменяется прилагательным «бедные». Наконец, версия Авенариуса завершается обнаружением «маленького трупика»⁷, а заключение, в котором автор оправдывает выбор этого «фантастического» сюжета тем, что он «романист» — опущено.

Можно предположить, что редакторские правки Авенариуса были направлены на удаление тех мест, которые могли погубить невинную душу ребенка или подорвать его доверие ко взрослым, но также поставить под угрозу реальное объяснение сверхъестественного происшествия, характерное для жанра литературного святочного рассказа. Как замечает Е. В. Душечкина, в литературных святочных рассказах «то, что может показаться героям сверхъестественным, фантастичным, чаще всего получает вполне реальное объяснение. Конфликт строится... на том сдвиге в сознании, который происходит в человеке, в силу определенных обстоятельств усомнившемся в своем неверии в потусторонний мир» [Душечкина 1995, 40]. Таким образом утрачивались основные поэтические элементы рассказа, такие, как его «петербургский колорит», соприкосновение реального с фантастическим и, самое главное, связь

рассказа с публицистическими частями январского выпуска, столь необходимая для понимания его функции в «Дневнике писателя».

Точно такая же версия «Мальчика у Христа на елке», с небольшими изменениями в начале, была повторно предложена в следующем сборнике сказок Авенариуса [Образцовые сказки 1882]. В предисловии Авенариус превозносил способность сказки воспитывать детей, развивая их воображение и интеллект. В соответствии с широко распространенным мнением педагогической критики того времени [Сергиенко 2020, 12–13; Арзамасцева, Николаева 2005, 51–52], он также предупреждал о возможных пагубных последствиях сказки и фантастического элемента: чрезмерно возбуждённое воображение могло внушить ребенку потенциально опасные идеи, такие как возможность, в определенных ситуациях, прибегать к хитрости или, что еще хуже, к насилию [Образцовые сказки 1882, X]. По словам Авенариуса, этот риск был нивелирован в авторских сказках, которые, однако, находились в дорогих и труднодоступных изданиях. Таким образом, своим сборником Авенариус намеревался восполнить этот пробел и предложить детям богатый выбор лучших сказок русских писателей. Авенариус упомянул Достоевского среди писателей-художников, которые «руководились собственным вдохновением», и назвал «Мальчика у Христа на елке» «обыденным случаем оборотной стороны столичной жизни», способным к «затрагиванию самых нежных струн человеческого сердца» [Образцовые сказки 1882, XII–XIII]. Этому способствовали и изящные черно-белые иллюстрации Н. Н. Каразина, на которых был изображен замерзший мальчик, смотрящий в освещенное окно (сцена, которую Достоевский почти буквально взял из стихотворения Рюккерта), и маленький трупик у груди дров.

Сборник «Образцовые сказки» получил положительные отзывы и в последующие годы неоднократно переиздавался, несмотря на то что некоторые критики отмечали наличие фрагментов не для детей, и в частности, указывали, что «Мальчик у Христа на елке» — не сказка [Систематический обзор 1895, 228]. Среди рецензий на первое издание выделяется обзор Х. Д. Алчевской, появившийся в первом томе критического указателя книг для народного и детского чтения «Что читать народу?» (1884). Однако, прежде чем приступить к анализу этого обзора, необходимо вкратце напомнить более ранние высказывания Алчевской по поводу «Достоевского для детей».

В статье «О некоторых отрывках из сочинений Достоевского», появившейся в 1881 г. в «Библиографическом листке», Алчевская

выразила пожелание, чтобы русская детская литература обогатилась талантливыми произведениями, и указала на пример Достоевского [Алчевская 1881, 47–48]. Убежденная в том, что любовь и сострадание, с которыми Достоевский всегда смотрел на мир детей, делали его произведения доступными даже для самых маленьких, Алчевская ходатайствовала о публикации фрагментов из его сочинений в изданиях, специально предназначенных для юных читателей. Просьба Алчевской касалась, в частности, рассказа «Мальчик у Христа на елке», который, по ее мнению, мог тронуть души подрастающего поколения. В подтверждение своей гипотезы Алчевская привела случай из собственного опыта работы в женской воскресной школе г. Харькова в конце 1870-х гг., когда ученикам из народа читали вслух адаптированные отрывки литературных произведений. Алчевская упомянула одну ученицу из класса девочек 13–16 лет, которую настолько растрогало чтение рассказа «Мальчик у Христа на елке», что она попросила дать ей на дом выпуск «Дневника писателя» и неделю спустя вернулась с тетрадью, в которую был переписан весь рассказ [Алчевская 1881, 45–46].

Алчевская считала, что образ ребенка, замерзшего накануне Рождества, может внушить как детям из народа, так и детям из интеллигентной среды чувство сострадания к ближнему. Харьковская просветительница полагала, что подобное чтение станет не просто упражнением в самоанализе, но вызовет глубокий отклик, способный повлиять на социальное поведение детей и подростков:

Мне думается, что, прочитав его, им невольно припомнится накануне Рождества бедный маленький нищий и, пожалуй, явится желание поделиться с бедными детьми своими достатками и радостями или отказаться в пользу их от дорогой игрушки [Алчевская 1881, 47].

Однако Алчевская признавала необходимость некоторых сокращений в тексте:

В начале *«Но я не романист»* и т. д. и начала: *«Мережится мне мальчик»*, в середине пропустила слово *«грешных»* матерей, так как оно повело бы к неудобным разъяснениям. (Потом я подумала, что его можно было бы заменить словом «бедных»). И в *самом конце* не дочитала фразу: *«На то я и романист, чтоб выдумывать»*, также неудобопонятную и для детей и для подрастающих простолюдинов, почти всегда отстающих на год на 2 в своем развитии и понимании читаемого от наших интеллигентных детей, развитию которых способствует окружающая благоприятная обстановка и среда [Алчевская 1881, 46].

Спустя три года, в своей рецензии на сборник Авенариуса, Алчевская снова вернулась к воспитательному значению некоторых произведений Достоевского. В целом ее положительный взгляд на рассказ «Мальчик у Христа на елке» не изменился. В качестве доказательства она привела краткое изложение «Мальчика у Христа на елке», написанное 12-летним деревенским школьником, который завершал его такими словами: «Мне этот рассказ понравился. Мне он очень жалобен, и мне не только этого мальчика, а и всех православных христиан жалко» [Что читать народу? 1884, 290]. В то же время Алчевская привела другой пример, из которого следовало, что адаптация Авенариуса не совсем подходит для детей младшего возраста. Сравнивая изложения двух учениц, 9 и 11 лет, Алчевская обратила внимание, что младшая девочка не поняла смысла некоторых сцен в рассказе. Например, она решила, что кондитерская — это дом, где раздают милостыню, подумала, что у мальчика отмерзли пальчики, но сам он не умер, и, наконец, пришла к выводу, что полицейский нашел ребенка и его маму и привел их на елку ко Христу. Неправильное изложение рассказа, сделанное маленькой ученицей, убедило Алчевскую в том, что понимание текста затруднено наличием неясных для ребенка терминов, таких как как, например, слово «трупик»:

Читая поэтический и художественный по своей простоте рассказ Достоевского и рекомендуя его детям, думал ли интеллигентный человек о том, что есть годы и степень развития, когда он является недостижимой высотой, а слово «трупик» — неизвестным понятием? [Что читать народу? 1884, 290].

Соображения Алчевской относительно рассказа «Мальчик у Христа на елке» свидетельствуют о заметной эволюции взглядов харьковского педагога: в своей последней рецензии Алчевская более осторожно высказывалась относительно «Достоевского для детей» и рекомендовала издателям как можно более тщательно отбирать произведения Достоевского. Вероятно, в этой эволюции важную роль сыграл растущий интерес Алчевской к идеям Толстого о народном образовании. Как известно, в Толстом Алчевская нашла страстного сторонника проекта «Что читать народу?»⁸ С одной стороны, изменение отношения Алчевской к произведениям Достоевского, следует рассматривать сквозь призму идей Толстого, который считал, что между изящной словесностью и народом существует огромная дистанция. Достоевский был одним из авторов той литературы, которую на встрече с Алчевской в апреле 1884 г.

Толстой определил как непонятную для народа, «так как это пирожное, а не хлеб насущный» [Алчевская 1912, 108]. С другой стороны, рецензию Алчевской в первом томе издания «Что читать народу?» следует понимать и в контексте жарких споров, которые разгорелись после выхода первого детского сборника сочинений Достоевского.

Сборник «Русским детям» (1883) и дебаты в педагогических журналах

Смерть Достоевского в 1881 г. закрепила связь между его именем и официальной идеологией, сложившейся в последние годы его жизни. Националистические и консервативные взгляды автора «Дневника писателя» вызывали уважение и восхищение многих членов императорской семьи. В марте 1878 г. Достоевский был официально приглашен Д. С. Арсеньевым, воспитателем великих князей Сергея и Павла, познакомиться с двумя юными сыновьями Александра II. Согласно источникам, Достоевский дважды побывал в Зимнем дворце на обеде с великими князьями Сергеем и Павлом, а в марте 1879 г. он начал посещать литературные вечера в Мраморном дворце в качестве гостя великого князя Константина Константиновича Романова (см. об этом [Волгин 1998, 286–312] [Тихомиров 2012, 110–130]). Доверие, выказанное царем к таланту Достоевского как просветителя, должно быть, поспособствовало решению вдовы писателя осуществить заветную мечту мужа: «Была у Федора Михайловича мечта выбрать из своих сочинений, которые можно было бы дать в руки детям 12–14 лет» (Письмо А. Г. Достоевской к Е. Ф. Юнге от 19 ноября 1882 г. [Достоевский в неизданной переписке 1973, 558–559]). В 1883 г. А. Г. Достоевская издает сборник «Русским детям» (см. об этом [Вассена 2019]).

Как пояснил в предисловии редактор О. Ф. Миллер, книга, выпущенная под Рождество, представляла собой «подарок к елке, той елке, которая для целого множества детей существует только у Христа на небе» [Русским детям 1883, II]. Несмотря на добродушный и ободряющий тон редактора, в его словах звучала тревога: «Подарок покойного покажется многим слишком грустным для детского возраста. В нем действительно много говорится о детском горе, да и о всяком горе» [Русским детям 1883, I]. Между строк Миллера нельзя не уловить отсылку к статье Н. К. Михайловского «Жестокий талант», появившейся всего несколькими месяцами ранее в журнале «Отечественные записки»⁹. В своей статье Михайловский срав-

нил Достоевского с волком, который мучит своих читателей-овец, заставляя их заново переживать страдания его героев — нервных и извращенных личностей, характеризующихся чертами «ненужной жестокости». Пытаясь предупредить нападки на «жестокость» Достоевского, Миллер ссылался на опыт страдания, своего или чужого, как фундаментальный момент нравственного и когнитивного развития ребенка и как на необходимый этап перехода к взрослой жизни:

Горе ведь никак и не скроешь даже от самых приглубленных судьбою детей. Пусть же они заранее запасаются силой противостоять ему. Пусть познакомятся и с теми людьми, которые никогда и понятия не имели о неге и холе, с детства, можно сказать, боролись с жизнью, должны были твердо стать на ноги, да еще поддерживать собою других [Русским детям 1883, I].

Педагогическая предпосылка, из которой исходил Миллер, не кажется далекой от той, на которую ссылалась Алчевская в 1881 г.: воспитательное значение произведений Достоевского состоит не в изображении положительных моделей этики и поведения, а в том, чтобы показать пагубные последствия антимodelей и таким образом подготовить детей к жизненным испытаниям. Однако и Миллер также не смог избежать переработки текстов Достоевского. Что касается рассказа «Мальчик у Христа на елке», то редакторские правки Миллера отчасти повторяли правки, сделанные еще Авенариусом, а затем и Алчевской: он также исключил голос повествователя-романиста в начале и в конце рассказа, но оставил фразу о встрече мальчика и его матери на небесах, которую Достоевский добавил в версию 1879 г. Точно так же он исключил упоминания об аресте хозяйки подвала, о халатнике, лежащем пьяным, о «блюстителе порядка», отвернувшемся, чтобы не заметить ребенка, и, наконец, о «грешных» матерях. Однако в финале он оставил без изменений отрывок, в котором перечислены причины смертей детей, собравшихся вокруг рождественской елки Христа (см. таблицу). В соответствии с предисловием, Миллер, возможно, полагал, что эта гипербола «реалистического» ужаса могла спровоцировать эмоциональную реакцию, усилив чувство сострадания юного читателя к своим менее удачливым сверстникам. Неудивительно, что именно этот отрывок привел анонимный автор рецензии в газете «Санкт-Петербургские ведомости» как доказательство полной непригодности рассказа Достоевского для детского чтения:

Но неужели... рассказ помещен для детей без пропусков, так что и гипербола смрада вагона III класса, и задохшиеся у чухонок дети воспитательного дома из него не выпущены? Но цензура издателя не дерзнула посягнуть на автора: в рассказе ничего не исключено, да и сверх того эта елка, появление которой в обстановке рассказа имеет некоторое оправдание, возведена в догмате [N 1883].

Критик отмечал антиобразовательный и антихристианский характер многих элементов: прежде всего елка — символ, чуждый православно-христианской традиции, — «возведенная в догмат»; затем само небо, описанное в чертах, делающих его слишком похожим на землю, с плачущими матерями там, «где нет болезней, печали и вздыханий». В заключении критик «Санкт-Петербургских ведомостей» возражал против «смеси обличительного ямба с высшим, неземным» [N 1883], которая могла заставить ребенка поверить, что небо действительно представляет собой то место плача и страданий, которое описал Достоевский.

Также и в других рецензиях выбор рассказа «Мальчик у Христа на елке» был признан неудачным. В журнале «Педагогический сборник», издаваемом Главным управлением военно-учебных заведений, педагог М. В. Соболев негативно прокомментировал «грустное впечатление», произведенное рассказом [Соболев 1884, 288]. Однако более суровые суждения касались *raison d'être* самого сборника, чтение которого являлось «чистой пыткой, способной... породить безнадежный взгляд на жизнь, как на юдоль плача и скорбей» [Соболев 1884, 286]. В обзоре, опубликованном в журнале «Педагогический листок Санкт-Петербургских женских гимназий», писательница и критик М. К. Цебрикова назвала почти все тексты, в том числе «Мальчик у Христа на елке», непригодными для детского чтения [Цебрикова 1883]. По ее мнению, отрывки в сборнике «Русским детям», изобилующие сценами страдания и смерти, либо наоборот, насыщенные излишне идеализированными и мистическими образами, могли пробудить «не столько чувства любви к ближнему... сколько болезненную чувствительность»:

В Достоевском нет гармонии художника, который создаст потрясающую картину страданий в той мере, которая, произведя необходимое впечатление, вызовет сочувствие, скорбь, но не будет преследовать вас, как страшный кошмар, неотступно мучительно беречь нервы. Достоевский в высшей степени обладал этим даром мучительства [Цебрикова 1883, 2].

Рис. 1. Иллюстрация Вл. Рейнеке к изданию «Мальчик у Христа на елке». Рассказ Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург: типография А. С. Суворина, 1885

По словам Цебриковой, страдания детей-героев Достоевского чрезмерны и направлены лишь на воспитание у юных читателей культуры «мистической боли». Против «жестокости таланта» Достоевского на страницах «Отечественных записок» снова выступил сам Михайловский. Он указывал на чрезмерное количество описанных в книге смертей и на беспричинность страданий, которые Миллер пытался представить юным читателям как добродетель, к которой стоит стремиться [Новые книги 1883].

«Мальчик у Христа на елке» в рекомендательной библиографии

Нападки педагогической критики сильно повлияли на вдову Достоевского, которая тем не менее продолжала идти к намеченной цели, желая осуществить мечту мужа. Два года спустя она выпустила рассказы «Мальчик у Христа на елке», «Мужик Марей» и «Столетняя» в виде недорогих иллюстрированных книжек [Мальчик у Христа 1885], [Мужик Марей 1885]. О том, что эти издания предназначены для юных читателей, можно судить только по косвенным признакам¹⁰. На это указывают некоторые элементы паратекста, такие как отметка о направлении чистой прибыли от продажи в пользу школы им. Достоевского в Старой Руссе, оформление буквиц и

Рис. 2. Иллюстрация Вл. Рейнеке к изданию «Мальчик у Христа на елке». Рассказ Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург: типография А. С. Суворина, 1885

черно-белые иллюстрации В. Рейнеке (Рис. 1, 2). Эти иллюстрации, с одной стороны, придают рассказу сказочную атмосферу (в частности, первая, изображающая снежный пейзаж под звездным небом), а с другой — усиливают его социальный посыл, фиксируя внимание читателя на наиболее эмоционально напряженных моментах: ребенок сидит рядом с трупом матери, затем смотрит на елку через освещенное окно, наконец — мертвый мальчик лежит за грудой дров. Стоит отметить, что текст рассказа в этом издании представлен почти полностью. По-прежнему отсутствуют введение и заключение повествователя-романиста, но сохранены упоминания об аресте хозяйки подвала, о пьяном халатнике, о блюстителе порядка, повернувшем голову, и о «грешных» матерях.

Как ни парадоксально, на этот раз предприятие Достоевской встретило одобрение педагогической критики, которая признала это издание рассказа пригодным для детей, в силу тех добрых чувств, которые его чтение могло вызвать:

Никому не новость, что Достоевский вовсе не детский писатель, и доказывать это излишне. Но и ему удалось написать три рассказа, вполне подходящих для детского чтения... [Яков 1885, 136].

Эти три небольших рассказа — единственное, что можно выбрать для детского чтения из сочинений Достоевского. <...> Они вполне доступны детям и по содержанию, и по изложению. Первый рассказ [«Мальчик у Христа на елке»] возбуждает в читателе теплые симпатии к осиротевшему, бездомному ребенку [Н. П.-я. 1885, 551–552].

Положительные отзывы критики побудили Достоевскую обратиться в Министерство народного просвещения с просьбой разрешить использование этого издания в библиотеках средних учебных заведений и народных школ. Дело рассматривалось на заседании Ученого комитета 8 марта 1885 г., по окончании которого член комитета И. П. Хрущов прочитал заключительный доклад. Будучи автором вышеупомянутой рецензии на сборник «Русским детям», опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях» двумя годами ранее, Хрущов положительно отзывался о рассказах «Мужик Марей» и «Столетняя», охарактеризовав первый рассказ как «мягкий и не раздражающий, с несомненными художественными достоинствами»¹¹. Однако он все же отрицательно оценил рассказ «Мальчик у Христа на елке», осудив обличительные цели автора: «Обличитель обобщает ненормальный, быть может возможный, но исключительный случай замерзания ребенка» (Цит. по: [Волгин 1980, 194]). Снова подвергся критике образ Христа на небе рядом с рождественской елкой — символом, чуждым православной религиозности и имеющим почти кощунственное значение:

Елка, кругом которой вместо украшений витают души задохшихся, умерших голодной смертью, замерзших детей, имеет в себе что-то уголовное, страшное, почему и писатель заставляет матерей этих детей плакать около елки, плакать там, где нет печали и воздыханий [Цит. по: Волгин 1980, 194].

Выводы Хрущова были недвусмысленны: «Достоевский мог любить детей, но менее подходящего к детскому возрасту писателя

не существует» (Цит. по: [Волгин 1980, 195]). Достоевскую уведомили о решении Ученого комитета: «Мужик Марей» и «Столетняя» одобрены, «Мальчик у Христа на елке» отклонен¹². Такое же постановление было вынесено в 1886 г. Канцелярией Ведомства учреждений Императрицы Марии, одоблившей рассказы «Мужик Марей» и «Столетняя», но отклонившей «Мальчика у Христа на елке» для чтения в сельских школах и в подготовительных классах женских школ¹³.

Возможно, именно из-за этого рассказ «Мальчик у Христа на елке» не вошел в следующий детский сборник, опубликованный вдовой писателя [Выбор из сочинений 1887]. Однако неодобрение властей не помешало ему войти в некоторые ведущие библиографические пособия детской литературы. Редакторы «Обзора детской литературы» В. М. Гаршин и А. Я. Герд признали сборник «Русским детям» вредным для детей, за исключением фрагмента из «Записок из Мертвого дома» «Летняя пора» и рассказа «Мальчик у Христа на елке», «которые можно и следует прочесть детям» [Обзор 1885–1886, 32]. Мало того, дешевое издание рассказа, подготовленное Достоевской, стало самым тиражируемым сочинением Достоевского в дореволюционный период: оно переиздавалось двадцать три раза между 1885 и 1907 гг. [Белов 2011, 26–28]. Начиная с 1890-х гг. это издание также фигурирует в библиографических пособиях по детской литературе. Тот самый М. В. Соболев, который отрицательно отзывался о сборнике «Русским детям» в «Педагогическом сборнике», на сей раз включил книжки «Мальчик у Христа на елке» и «Мужик Марей. Столетняя» в раздел «Книжки для среднего возраста» своего пособия «К елке. Указатель книг, одобренных педагогической критикой для детского чтения» [Соболев 1890, 32]. Издание Достоевской также вошло в «Систематический обзор русской народно-учебной литературы» (1895 г.), изданный Санкт-Петербургским Комитетом грамотности, несмотря на то что составители по-своему истолковали «грезы» маленького героя:

Из всех рассказов, способных будить в людях чувство сострадания и любви к неимущим, голодным, угнетенным, — это один из самых сильных. Голодный мальчик, блуждая в морозный вечер рождественского сочельника по улицам, забрел, наконец, куда-то во двор и там замерз, никем не замеченный и не пригретый. Его грезы во время замерзания: как бы хорошо было повеселиться на елке, вместе с другими мальчиками, там, в этом доме, окна которого так освещены, — и вся его печальная судьба производят благотворное впечатление на читателей всякого возраста и образования [Систематический обзор 1895, 250].

Рассказ «Мальчик у Христа на елке» вошел в третий сборник для детей, изданный Достоевской, однако редактор А. В. Круглов и издательница, опасаясь вето педагогической цензуры, опустили пассаж об умерших детях [Достоевский для детей 1897, 13]. Начиная с 1890-х гг. рассказ многократно переиздавался в сборниках, в святочных и учебных хрестоматиях [Душечкина 1995, 155–156; Вдовин, Лейбов 2013, 316]. Некоторые из этих изданий, хотя и не были включены ни в один официальный список книг, рекомендованных для детей Министерством народного просвещения, фигурировали в библиографических пособиях по детской литературе других ведомств: в раздел «Книги для младшего возраста (8–11 л.)» «Справочной книжки по чтению детей всех возрастов», изданной Главным управлением военно-учебных заведений в 1903 г., помещены сборники [Образцовые сказки 1897; Отрада и мечты 1892; Сказки русских писателей 1893], включавшие адаптированные версии рассказа «Мальчик у Христа на елке» [Соболев 1903, 131, 132, 153]. Точно так же рассказ Достоевского появляется и в другом сборнике, выпущенном несколько лет спустя [Что читать детям? 1906]. Как пояснил в предисловии составитель А. Е. Корольков, цель сборника — помочь родителям и воспитателям разобраться в детской литературе на основе рецензий, взятых из авторитетных трудов. Здесь рассказ Достоевского фигурирует в разделе «Средний возраст. Беллетристика» (отдельное издание Достоевской) и в разделе «Старший возраст» (сборник под ред. Круглова) [Что читать детям? 1906, 43, 84].

Извилистый путь рассказа Достоевского в мир детской литературы увенчался официальным признанием. Шестое издание сборника Авенариуса [Образцовые сказки 1910] имело на титульном листе надпись: «Ученым комитетом Министерства народного просвещения книга допущена в ученические библиотеки низших учебных заведений, в бесплатные народные читальни и библиотеки для публичных народных чтений; и, по усмотрению педагогических советов, в ученические библиотеки средних учебных заведений». Примечательно, что здесь версия рассказа «Мальчик у Христа на елке» ближе к оригиналу, чем первое издание 1882 г. Прежде всего, восстановлено полное название рассказа. Затем, несмотря на то что по-прежнему отсутствуют введение и заключение «Достоевского-романиста», упоминания об аресте хозяйки, о блюстителе порядка и о «грешных» матерях, другие пассажи восстановлены, в том числе и перечисление причин гибели детей, окружающих Христа. Обоснование этих поправок не всегда

поддается объяснению, учитывая, что каждый раз выбор оставался за отдельным редактором, издателем и цензором. Но важно другое: спустя более чем тридцать лет после своего первого появления в виде адаптированной «сказки», претерпев всевозможные искажения и нападки, рассказ Достоевского официально вошел в детское чтение.

Настоящее исследование показало, как процесс включения «взрослого» автора в детский литературный канон происходит через введение его творчества в новый контекст, который, в свою очередь, перекодирует социальное и культурное значение его произведений. Эволюцию образа Достоевского в течение тридцати лет после его смерти следует рассматривать в контексте взаимодействия различных социальных сил, которые действовали как «сверху», так и «снизу», выделяя то одни, то другие аспекты творческого наследия писателя. В частности, превращение «Мальчика у Христа на елке» из взрослого рассказа в детскую сказку не только демонстрирует, сколь неоднозначными были критерии распространения и регулирования книг для детского чтения, но и показывает, насколько популярность некоторых изданий могла влиять на педагогическую критику, позволяя ранее не одобренным произведениям пробиваться в рекомендательную библиографию и в некоторых случаях получать одобрение правительственных органов. Разумеется, этому процессу способствовала и эволюция русской педагогической критики: оставаясь скептически настроенной по отношению к фантастическому, она проявляла все больший интерес к социальной тематике, придавая рассказу Достоевского почти документальную ценность. В конечном счете «социальное» и «реалистическое» толкование рассказа затмило тот «фантастический» элемент, который в авторском намерении должен был служить главным ключом к пониманию сюжета.

Примечания

- ¹ О «переговорных» стратегиях, определяющих производство и потребление культуры см. [Bourdieu 1969], [De Certeau 1980]. О посмертных изданиях Достоевского см. [Вассена 2020].
- ² Письмо Ф. М. Достоевского к Ю. Ф. Абазе от 15 июня 1880.
- ³ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Якоби, февраль (после 8), 1878.
- ⁴ Издание Авенариуса не упоминается также в: [Достоевская 1906].
- ⁵ Повесть Милоюкова впервые была опубликована в августовском номере журнала братьев Достоевских «Эпоха» за 1864 г. под названием «Посмертные записки одного скитальца» [Нечаева 1975, 127–128]. Текст

Полонского был написан в 1859 г. и изначально определялся автором как «шутка в виде поэмы». Наконец, последний упомянутый текст взят из романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах», впервые опубликованного в журнале «Русский вестник» (1871–1874).

- ⁶ См. таблицу после статьи, вклейка
- ⁷ Последняя фраза рассказа Достоевского «Та умерла еще прежде его; оба свиделись у Господа Бога в небе», отсутствует в версии 1876 г. Она была добавлена Достоевским в издании рассказа, опубликованном в 1879 г. [Достоевский 1972–1990, XXII, 258].
- ⁸ В декабре 1882 г. Алчевская обратилась к Толстому с просьбой высказаться о полезности публикации материалов, относящихся к книгам, читаемым в женской воскресной школе в Харькове. Толстой был в восторге от проекта и порекомендовал Алчевской напечатать «и отзывы учащихся, преимущественно в форме сведений о том, что больше читается и лучше передается, и отзывы учащихся в форме пересказов прочитанного с наивозможной точностью передачи» [Толстой 1928–1958, LXIII, 110]. В апреле 1884 г., через три месяца после выхода первого тома издания «Что читать народу?», Алчевская и Толстой лично встретились в Москве и долго обсуждали проблемы народного образования [Алчевская 1912, 103–117].
- ⁹ Статья Н. К. Михайловского «Жестокий талант» вышла в 9 и 10 выпусках журнала «Отечественные записки» за 1882 г.
- ¹⁰ Оба издания указаны в отделе «Издания для детского чтения» библиографического указателя, составленного А. Г. Достоевской [Достоевская 1906, 300].
- ¹¹ РГИА. Ф. 734. Оп. 3, 1885. Д. 54. Л. 150. Некоторые отрывки доклада Хрущева опубликованы в: [Волгин 1980, 194–195].
- ¹² Отношение к А. Г. Достоевской Министерства народного просвещения. 14 апреля 1885 // РО ИРЛИ. Ф. 100. Ед. хр. 29525. Л. 1–1 об.
- ¹³ Отношения к А. Г. Достоевской Собственной Е. И. В. канцелярии по учреждениям императрицы Марии. 1 декабря 1886 // РО ИРЛИ. Ф. 100. Ед. хр. 29528. Л. 3–3 об.

Литература

Источники

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РО ИРЛИ — Рукописный отдел. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Алчевская 1881 — Алчевская Х. Д. О некоторых отрывках из сочинений Ф. М. Достоевского // Библиографический листок. Труды комиссии при

Учебном отделе Моск. Общества распространения техн. знаний, по составлению крит. каталога книг и статей для детского чтения. М.: тип. А. И. Мамонтова и К., 1881. Вып. 1. С. 45–49.

Алчевская 1912 — Алчевская Х. Д. Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912.

Выбор из сочинений 1887 — Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14-ти лет): С портр. Ф. М. Достоевского / под ред. В. Я. Стоюнина. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1887.

Достоевская 1906 — Достоевская А. Г. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом музее имени императора Александра III. 1846–1903 / сост. А. Г. Достоевская. СПб.: тип. П. Ф. Пантелеева, 1906.

Достоевская 1993 — Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 г. // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 275–284.

Достоевский 1972–1990 — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972–1990.

Достоевский в неизданной переписке 1973 — Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / статья, публикация и коммент. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 349–564. (Литературное наследство; т. 86).

Достоевский для детей 1897 — Достоевский для детей школьного возраста: С биогр. очерком, портр. Ф. М. Достоевского и снимками с его дома и шк. его имени / под ред. А. В. Круглова. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1897.

Мальчик у Христа 1885 — Мальчик у Христа на елке: Рассказ Ф. М. Достоевского: (Чистая прибыль от издания идет в пользу школы имени Ф. М. Достоевского в г. Старой Руссе): С 4-мя рисунками и портретом автора. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1885.

Мужик Марей 1885 — Мужик Марей; Столетняя: [Рассказы] Ф. М. Достоевского: (Чистая прибыль от издания идет в пользу школы имени Ф. М. Достоевского в г. Старой Руссе): С 4-мя рисунками и портретом автора. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885.

Н. 1883 — Н. Что наши дети читают? // Санкт-Петербургские ведомости. 1883. № 337, 13 декабря. С. 3.

Новые книги 1883 — Новые книги // Отечественные записки. 1883. № 3. С. 73–79.

Н. П-я 1885 — Н. П-я. Мальчик у Христа на елке. Рассказ Ф. М. Достоевского. СПб. 1885 г.; Мужик Марей. — Столетняя. Ф. М. Достоевского. СПб. 1885: [рецензия] // Женское образование. 1885. № 8. С. 551–552.

Обзор 1885–1886 — Обзор детской литературы: [Вып. 1–2] / сост. кружком учащихся под редакцией В. М. Гаршина и А. Я. Герда. 1885–1886. СПб.: Русский книжный магазин, 1885–1889.

Образцовые сказки 1882 — Образцовые сказки русских писателей: Собрал для детей В. П. Авенариус / с 62-мя рисунками Н. Н. Каразина. СПб.: Тип. А. Веллинга, 1882.

Образцовые сказки 1897 — Образцовые сказки русских писателей: Собрал В. П. Авенариус / с рисунками Н. Н. Каразина, М. В. Нестерова и др. 4-е изд. М.: А. Д. Ступин, 1897.

Образцовые сказки 1910 — Образцовые сказки русских писателей: Собрал В. П. Авенариус / с рисунками Н. Н. Каразина, М. В. Нестерова и др. 6-е изд. М.: А. Д. Ступин, 1910.

Отрада и мечты 1892 — Отрада и мечты бедных детей: Сборник. М.: Правда, 1892.

Русским детям 1883 — Русским детям: Из сочинений Ф. М. Достоевского / изд. под ред. О. Ф. Миллера. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1883.

Систематический обзор 1895 — Систематический обзор русской народно-учебной литературы: Сост. по поручению С.-Петербур. Ком. Грамотности, спец. комиссией. 2 изд., испр. и знач. доп. [Вып. 1]. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1895.

Сказки русских писателей 1893 — Сказки русских писателей для детей: Сборник, изданный редакцией газеты «Киевское слово». 2-е изд. Киев, 1903.

Соболев 1884 — Соболев М. В. Обзор детских книг за 1883 г. // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1884. сент. С. 285–290.

Соболев 1890 — Соболев М. В. К елке: Указатель книг, одобренных педагогическою критикою для детского чтения. СПб.: ред. журн. «Родник», 1890.

Соболев 1903 — Соболев М. В. Справочная книжка по чтению детей всех возрастов. СПб.: Гл. упр. военно-учеб. заведений, 1903.

Толстой 1928–1958 — Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: Государственное издательство русской литературы, 1928–1958.

Тридцать лучших 1877 — Тридцать лучших новых сказок: Собрал и разработал для детей В. П. Авенариус. СПб.: тип. Б. Г. Янпольского, 1877.

Цебрикова 1883 — Цебрикова М. Мимо цели // Педагогический листок: Для родителей и воспитателей. 1883. № 1. С. 1–33.

Что читать детям? 1906 — Что читать детям?: Сборник рец. на лучшие дет. кн. и журн. с прил. пл. систематизации кн. для дет. чтения: Пособие

при изучении дет. лит / сост. А. Е. Корольков. М.: типо-лит. И. И. Пашкова, 1906.

Что читать народу? 1884 — Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. учительницами Харьковской частной женской воскресной школы Х. Д. Алчевскою, Е. Д. Гордеевой, А. П. Грищенко [и др.]. Т. [1]. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1884.

Яков 1885 — Яков. Мальчик у Христа на елке. Рассказ Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург 1885; Мужик Марей. Столетняя. Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург 1885: [рецензия] // Педагогический листок: Для родителей и воспитателей. 1885. № 2. С. 136.

Исследования

Арзамасцева, Николаева 2005 — Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Academia, 2005. (Высшее профессиональное образование. Педагогические специальности).

Белов 2011 — Белов С. В. Ф. М. Достоевский: указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб.: Изд. «Российская национальная библиотека», 2011.

Библиотека Достоевского 2005 — Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции, науч. описание / сост. и отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005.

Вассена 2019 — Вассена Р. Достоевский для детей: провал или успех первого детского издания, составленного А. Г. Достоевской (1883) // *Неизвестный Достоевский: электронный научный журнал*. 2019. № 3. С. 116–139. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4201.

Вассена 2020 — Вассена Р. Популярный. Достоевский: Начало массового распространения творческого наследия, 1881–1906 // *Russian Literature*. 2020. Vol. 111–112. С. 1–34. DOI: 10.1016/j.ruslit.2020.03.001.

Вдовин, Лейбов 2013 — *Acta Slavica Estonica IV*. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту, 2013.

Волгин 1980 — Волгин И. Л. Достоевский и правительственная политика в области просвещения 1881–1917 // *Достоевский: Материалы и исследования* / отв. ред. Г. М. Фридендер. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 192–206.

Волгин 1982 — Волгин И. Л. Достоевский — журналист: («Дневник писателя» и русская общественность): Пособие к спецкурсу. М.: Изд. МГУ, 1982.

Волгин 1998 — Волгин И. Л. Колеблясь над бездной: Достоевский и императорский дом. М.: Центр гуманитарного образования, 1998.

Душечкина 1995 — Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995.

Захаров 2001 — Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. С. 5–20. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511>.

Захаров 2008 — Захаров В. Н. Фантастические страницы Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. С. 385–398. DOI: 10.15393/j9.art.2008.283.

Касаткина 2019 — Касаткина Т. А., Мальчик у Христа на ёлке. Структура образа и эстетика действия // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 1(5). С. 16–40. DOI: 10.22455/2619-0311-2019-1-16-40.

Лучкина 2015 — Лучкина О. А. Raison d'être русской классики: поэты-педагоги и писатели-воспитатели // Детские чтения. 2015. № 2 (8). С. 30–51. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/178>.

Лучкина 2012 — Лучкина О. А. Силуэты руководителей детского чтения: священник, министр, генерал и другие // Детские чтения. 2012. № 2 (2). С. 115–135. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/28>.

Нечаева 1975 — Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» 1864–1865. М.: Наука, 1975.

Пропп 2000 — Пропп В. Я. Русская сказка (Собр. тр. В. Я. Проппа) / науч. ред., коммент. Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000.

Сергиенко 2020 — Сергиенко И. Детские книги — «плохие» и «хорошие». Дискуссии критиков 1890–1920-х гг. // Детские чтения. 2020. № 1 (17). С. 11–19. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-11-19.

Тихомиров 2012 — Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. СПб.: Кузнечный переулок, 2012.

Фридлендер 1964 — Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского. М.-Л.: Наука, 1964.

Bourdieu 1979 — Bourdieu P. La Distinction : Critique sociale du jugement. Paris : Éd. de Minuit, 1979.

De Certeau 1980 — De Certeau M. L'invention du quotidien. I. Arts de faire. Paris : Union générale d'éditions, 1980.

Morson 1993 — Morson G. S. Introductory Study: Dostoevsky's Great Experiment // Dostoevsky F. A Writer's Diary: 2 Vols. / Trans. by Kenneth Lantz. Evanston, IL: Northwestern Univ. Press, 1993. Vol. I. Pp. 1–117.

Vassena 2007 — Vassena R. Reawakening National Identity. Dostoevskii's Diary of a Writer and its Impact on Russian Society. Bern: Peter Lang, 2007.

References

Arzamastseva, Nikolaeva 2005 — Arzamastseva, I. N., Nikolaeva, S. A. (2005). Detskaya literatura: Uchebnoe posobie dlya studentov ped. VUZov [Children's literature: Textbook for students of Ped. Universities]. Moscow: Akademiia.

Belov 2011 — Belov, S. V. (2011). F. M. Dostoevskiy. Ukazatel' proizvedeniy F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom iazyke, 1844–2004 gg. [F. M. Dostoevsky. Index of F. M. Dostoevsky's works and literature about him in Russian, 1844–2004]. Saint-Petersburg: "Rossiyskaya natsional'naya biblioteka" Publ.

Biblioteka Dostoevskogo 2005 — Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii: Nauchnoe opisanie [F. M. Dostoevsky's library: An attempt of reconstruction: Scientific description]. Saint-Petersburg: Nauka.

Bourdieu 1979 — Bourdieu, P. (1979). La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris : Éd. de Minuit.

De Certeau 1980 — De Certeau, M. (1980). L'invention du quotidien. I. Arts de faire. Paris : Union générale d'éditions.

Dushechkina 1995 — Dushechkina, E. V. (1995). Russkii svyatochniy rasskaz: stanovlenie zhanra [The Russian Christmas story: the formation of a genre]. Saint-Petersburg: SpbGU Publ.

Fridlender 1964 — Fridlender, G. M. (1964). Realizm Dostoevskogo [Dostoevsky's realism]. Moscow: Nauka.

Kasatkina 2019 — Kasatkina, T. A. (2019). Mal'chik u Khrista na elke. Struktura obraza i estetika deystviya [The beggar boy at Christ's Christmas tree. The structure of the image and the aesthetics of action]. Dostoevskii i mirovaya kul'tura, 1 (5), 16–40.

Luchkina 2012 — Luchkina, O. A. (2012). Siluety rukovoditeley detskogo chteniya: svyashchennik, ministr, general i drugie [Silhouettes of children reading leaders: the priest, the minister, the general and others]. Detskie chteniya, 2 (2), 115–135. Retrieved from <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/28>.

Luchkina 2015 — Luchkina, O. A. (2015). Raison d'être russkoy klassiki: poety-pedagogi i pisateli-vospitateli [Raison d'être of Russian classics: poets-teachers and writers-educators]. Detskie chteniya, 2 (8), 30–51. Retrieved from <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/178>.

Morson 1993 — Morson, G. S. (1993). Introductory study: Dostoevsky's great experiment. In Dostoevsky F. A Writer's Diary (Vol. I, 1–117). Evanston, IL: Northwestern University Press.

Nechaeva 1975 — Nechaeva, V. S. (1975). Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Epokha". 1864–1865 [Dostoevsky brothers' journal "Epokha". 1864–1865]. Moscow: Nauka.

Propp 2000 — Propp, V. Ya. (2000). Russkaya skazka: (Sobranie trudov V. Ya. Proppa) [The Russian fairy-tale: (A collection of V. Ya. Propp's works)]. Moscow: Labirint.

Sergienko 2020 — Sergienko, I. (2020). Detskie knigi — "plokhiye" i "khoroshiye". Diskussii kritikov 1890–1920-kh gg. [Children's books are "good" and "bad": critics' discussions of the 1890-1920s]. Detskie chteniya, 1 (17), 11–19. DOI: 10.31860/2304-5817-2020-1-17-11-19.

Tikhomirov 2012 — Tikhomirov, B. N. (2012). Dostoevskiy na Kuznechnom. Daty. Sobytiya. Lyudi. St. [Dostoevsky on Kuznechny: Dates. Events. People]. Petersburg: Kuznechniy pereulok.

Vassena 2007 — Vassena R. (2007) Reawakening national identity. Dostoevskii's Diary of a Writer and its impact on Russian society. Bern: Peter Lang.

Vassena 2019 — Vassena, R. (2019). Dostoevskiy dlya detey: proval ili uspekh pervogo detskogo izdaniya, sostavlenogo A. G. Dostoevskoy (1883) [Dostoevsky for children: the failure or success of the first children's book, compiled by Anna Dostoevskaya (1883)]. Neizvestnyi Dostoevskiy, (3), 116–139. DOI: 10.15393/j.10.art.2019.4201.

Vassena 2020 — Vassena, R. (2020). "Populyarnyi" Dostoevskiy: nachalo massovogo rasprostraneniya tvorcheskogo naslediya, 1881–1906 ["Popular" Dostoevsky: The beginnings of the mass circulation of his literary heritage, 1881–1906]. Russian Literature, (111–112), 1–34. DOI: 10.1016/j.ruslit.2020.03.001.

Vdovin, Leybov 2013 — Vdovin, A., Leybov, R. (Eds.). (2013). Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoy I slavyanskoy filologii. Literaturovedenie, IX. Khrestomatinye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskii kanon [Textbook texts: 19-th-century Russian pedagogical practice and poetic canon]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Volgin 1980 — Volgin, I. L. (1980). Dostoevskiy i pravitel'stvennaya politika v oblasti prosveshcheniya 1881–1917 [Dostoevsky and national education policy 1881–1917]. In G. M. Fridlender (Ed.), Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches] (Vol. 4, pp. 192–206). Leningrad: Nauka.

Volgin 1982 — Volgin, I. L. (1982). Dostoevskiy zhurnalist: (Dnevnik pisatelya i russkaya obshchestvennost') [Dostoevsky as a journalist: (The Diary of a writer and Russian society)]. Moscow: MGU Publ.

Volgin 1998 — Volgin, I. L. (1998). Koblelyas' nad bezdnoy: Dostoevskiy i russkiy imperatorskiy dom [Swinging over the Abyss: Dostoevsky and the Imperial House]. Moscow: Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya.

Zakharov 2001 — Zakharov, V. N. (2011). Khristianskiy realizm v russkoy literature (postanovka problemy) [Christian realism in Russian literature (problem statement)]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 6, 5–20. Retrieved from <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2511>.

Zakharov 2008 — Zakharov, V. N. (2008). Fantasticheskie stranitsy Dostoevskogo [Dostoevsky's fantastic pages]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 8, 385–398. DOI: 10.15393/j9.art.2008.283.

Raffaella Vassena

Università degli studi di Milano; ORCID: 0000-0003-4849-337X

FROM A STORY FOR ADULTS TO A FAIRY-TALE FOR CHILDREN:
THE CASE OF F. M. DOSTOEVSKY'S STORY "THE BEGGAR BOY
AT CHRIST'S CHRISTMAS TREE"

The article deals with some methodological, textual and critical-pedagogical issues related to the transformation of a story for adults into a fairy-tale for children. Dostoevsky's story "The beggar boy at Christ's Christmas tree" is a particularly significant example that allows to trace, on one hand, the attitude of Russian pedagogical criticism to the fantastic elements in the last quarter of 19th century, and on the other, the variability of social forces affecting the entry of a work into children's literary canon. The story was first published in January issue of *Diary of a Writer* (1876), and in the following year was included in the collection *Thirty Best New Tales* by V. P. Avenarius, and in 1882 in the collection *Exemplary Russian Tales for Children*. In the 1880s and 1890s, the story appeared in various children's publications, provoking controversial reactions among pedagogical critics and in institutions responsible for regulating children's reading. The article introduces numerous printed and archival materials for scientific use.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, V. P. Avenarius, children's literature, adaptation, Russian pedagogical criticism, recommendatory bibliography, reading control, Ministry of Public Education of Russian Empire

Приложение к статье Рафаэлы Вассены. В таблице сравниваются варианты рассказа «Мальчик у Христа на елке», опубликованные в упомянутых в статье изданиях

ДОСТОЕВСКИЙ [1876]	Тридцать лучших... 1877 и Образцовые сказки... 1882	Русским детям 1883	Мальчик у Христа... 1885	Отрада и мечты... 1892	Сказки русских писателей... 1893	Достоевский для детей... 1897	Образцовые сказки... 1910
<p>«Мальчик у Христа на елке» Но я романист, и, кажется, одну «историю» сам сочинил. Почему я пишу: «кажется», ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне рождества, в <i>каком-то</i> огромном городе и в ужасный мороз.</p> <p>Мерещится мне, был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале.</p> <p><...> и вдруг захворала. Хозяйку углов захватили еще два дня тому в полицию; жильцы разбрелись, дело праздничное, а оставшийся один халатник уже целые сутки лежал мертво пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты...</p> <p><...> и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика. Вот и опять улица, <...></p> <p>И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонок, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода), четвертые задохлись в вагонах третьего класса, от смраду, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и Он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей <...></p> <p>А внизу наутро дворники нашли маленький трупик забжавшего и замерзшего за дровами мальчика; разыскали и его маму... <Та умерла еще прежде его; оба свиделись у господ Бога в небе.> И зачем же я сочинил такую историю, <...></p>	<p>«У Христа на елке» 1877: Кто не встречал на улице мальчиков «с ручкой», как они сами себя называют, т. е. просящих милостыню? <...> и потому-то именно, что <...> вам мешают дети, когда вам холодно и вы торопитесь попасть в тепло, – вам не столько жалко их, сколько досадно на них. А ведь их, право, очень жалко... <...> 1882: Видали вы на улице мальчиков <...></p> <p>1877 е 1882: Я хотел бы Вам рассказать теперь про такого мальчика, т. е. вернее, не про такого, которого уже высылают «с ручкой» (потому что он еще очень маленький, лет шести или даже меньше), но такого, однако, которого через год, через два непременно выслали бы. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале <...></p> <p><...> и вдруг захворала. Дело нынче праздничное, и все подвальные жильцы разбрелись; только в дальнем углу комнаты <...></p> <p><...> и так больно стало вдруг пальчикам. Вот и опять улица, <...></p> <p>И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни умерли от холода, другие от голода, третьи от побоев, четвертые от недостатка лекарств, даже в таких болезнях, которые, при мало-мальском уходе, должны были окончиться благополучно; и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и Он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их бедных матерей <...></p> <p>А внизу наутро дворники нашли маленький трупик забжавшего и замерзшего за дровами мальчика. . .</p>	<p>«Мальчик у Христа на елке» /</p> <p>Еще очень маленький мальчик, лет шести или даже менее, проснулся утром в сыром и мокром подвале.</p> <p><...> и вдруг захворала. Жильцы углов разбрелись, а оставшийся один халатник уже целые сутки лежал мертво-пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты <...></p> <p><...> и так больно стало вдруг пальчикам. Вот и опять улица, <...></p> <p>И узнал он, что мальчики и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонок, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода), четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смраду, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и Он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их матерей <...></p> <p>А внизу наутро дворники нашли маленький трупик забжавшего и замерзшего за дровами мальчика; разыскали и его маму... Та умерла еще прежде его; оба свиделись у господ Бога в небе.</p>	<p>«Мальчик у Христа на елке» /</p> <p>Еще очень маленький мальчик, лет шести или даже менее, проснулся утром в сыром и холодном подвале.</p> <p><...> и вдруг захворала. Хозяйку углов захватили еще два дня тому в полицию; жильцы разбрелись, дело праздничное, а оставшийся один жилец в халате уже целые сутки лежал мертво-пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты <...></p> <p><...> и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика. Вот и опять улица, <...></p> <p>И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонок, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода), четвертые задохлись в вагонах третьего класса, от смраду, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и Он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их матерей <...></p> <p>А внизу наутро дворники нашли маленький трупик забжавшего и замерзшего за дровами мальчика.</p>	<p>«Мальчик у Христа на елке» /</p> <p>Был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале.</p> <p><...> и вдруг захворала. Хозяйку углов захватили еще два дня тому в полицию; жильцы разбрелись, дело праздничное, а оставшийся один халатник уже целые сутки лежал мертво пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты <...></p> <p><...> и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика. Вот и опять улица, <...></p> <p>И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонок, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода), четвертые задохлись в вагонах третьего класса, от смраду, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и Он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей <...></p> <p>А внизу наутро дворники нашли маленький трупик забжавшего и замерзшего за дровами мальчика; разыскали и его маму... Та умерла еще прежде его; оба свиделись у господ Бога в небе.</p>	<p>«Мальчик у Христа на елке» Это случилось накануне рождества, в <i>каком-то</i> огромном городе и в ужасном морозе.</p> <p>Мальчик, еще очень маленький, лет шести или даже менее, проснулся утром в сыром и холодном подвале.</p> <p><...> и вдруг захворала. Хозяйку углов захватили еще два дня тому в полицию; жильцы разбрелись, дело праздничное, а оставшийся один халатник уже целые сутки лежал мертво пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты <...></p> <p><...> и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика. Вот и опять улица, <...></p> <p>И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонок, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода), четвертые задохлись в вагонах третьего класса, от смраду, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и Он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их матерей <...></p> <p>А внизу наутро дворники нашли маленький трупик забжавшего и замерзшего за дровами мальчика.</p>	<p>«Мальчик у Христа на елке» /</p> <p>Еще очень маленький мальчик, лет шести или даже менее, проснулся утром в сыром и холодном подвале.</p> <p><...> и вдруг захворала. Жильцы разбрелись, дело праздничное, а оставшийся один халатник уже целые сутки лежал мертво пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты <...></p> <p><...> и так больно стало вдруг пальчикам. Вот и опять улица, <...></p> <p>И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонок, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода), четвертые задохлись в вагонах третьего класса, от смраду, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и Он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их матерей <...></p> <p>А внизу наутро дворники нашли маленький трупик забжавшего и замерзшего за дровами мальчика.</p>	